

УДК 340.12

ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ПРАВОСОЗНАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ОБЩЕПРАВОВОЙ ТЕОРИИ МАРГИНАЛЬНОСТИ

Р.Ф. Степаненко

Аннотация

В статье рассматриваются отдельные аспекты российского правосознания, отмечаются исторические предпосылки его диффузионного и дисперсионного содержания. Анализируются процессы правогенеза в эволюции российской государственности, оказывающие влияние на формирование отечественного маргинализованного правосознания. Изучение данной проблемной области должно приниматься во внимание при построении правовой политики.

Ключевые слова: правовое сознание, маргинальность, диффузионизм, дисперсионность, маргинализованное (маргинальное) правосознание, отчуждённость, «пограничность».

Общеправовая теория маргинальности как система знаний, выдвигаемых проблем и гипотез о наиболее общих и специфических закономерностях деструктивного влияния феномена отчуждённости, «пограничности» и неадаптивности отдельных субъектов правоотношений на состояние законности и правопорядка, дифференцирует в рамках выстраиваемой концепции совокупность рассматриваемых индивидов на *социально незащищённые* и *социально неблагополучные* группы. Принимая во внимание определённую условность такой дифференциации, отметим, что индивиды второго типа вызывают наибольший интерес общей теории права с точки зрения изучения их правосознания, разнообразных видов поведения, негативно сказывающихся на уровне и состоянии правонарушаемости в российском обществе.

Природа человека, его культура, сознание (в том числе правовая культура и правовое сознание) являются, по мнению многих теоретиков права, одним из источников, содержащихся в естественном праве и имплицитно находящих дальнейшее опосредование в положительном праве. Мораль, нравственность, правосознание и правовая культура представляют собой ближайшую и необходимую предпосылку, а также основу собственно юридического права (см. [1, с. 108]).

Будучи реальными, первичными (то есть фактическими) источниками права вообще, обусловленные материальными, социальными, биологическими, духовно-нравственными и иными факторами (см. [2, с. 53–89]), правосознание и правовая культура должны влиять и влияют на эволюционные предпосылки преобразований положительного права, и наоборот.

В данном контексте первостепенное значение приобретает уяснение проблемы *цели права и воли к праву*. В работе «О сущности правосознания» (1919) выдающимся русским мыслителем И.А. Ильиным было изложено доктринальное видение проблемы «нормального», «здорового» правового сознания, апеллирующего к необходимости создания той духовной атмосферы в обществе, в которой нуждаются и право, и государство для своего развития.

Ильин полагает, что каждый человек, «независимо от своего возраста, образования, ума и таланта», живёт под действием характерного для его души правосознания. «Человеку невозможно не иметь правосознания; его имеет каждый, кто сознаёт, что кроме него на свете есть другие люди. Человек имеет правосознание независимо от того, знает он об этом или не знает, дорожит этим достоянием или относится к нему с пренебрежением. Вся жизнь человека и вся судьба его слагаются при участии правосознания и под его руководством; мало того, жить – значит для человека жить правосознанием, в его функции и в его терминах: ибо оно остаётся всегда одною из великих и необходимых форм человеческой жизни» [3, с. 314].

Однако и тогда, когда принимаемые государственным сувереном как высшей политической инстанцией и определяемые её «свокорыстным интересом сильного» законы формируют несправедливое («дурное») право, всё равно образуется и развивается массовое правосознание. Но не только развитое, но и «уродливое, извращённое» правосознание при этом все-таки остаётся правосознанием, как справедливо отмечает Ильин.

К числу причин, обуславливающих «искажённое» правосознание, он относит не только качество законов и правовую безграмотность, но и глубокие, стихийные исторические процессы революционных преобразований и их воздействие на состояние духовной и правовой культуры российского народа. Ильин убеждён, что «внутреннее разложение индивидуальной души делает невозможным общественное устройство» и что «разложение общественной организации ведёт жизнь народа к позору и отчаянию». В результате возникает «порочный жизненный круг», в котором «образованные» и необразованные круги народа одинаково не верят в объективную ценность права и не уважают его предписаний, а «правосознание сводится к запасу непродуманных сведений из области положительного права и к умению “пользоваться” ими». Но такие знания и умения скрывают в себе «глубочайшие недуги и дефекты, внутреннее вырождение и духовное бессилие» (см. [3, с. 314–318]).

В этом смысле общеправовая теория маргинальности, изучающая специфическую форму «нездорового» правосознания маргинальной личности с имманентными характеристиками такого «недуга» в её структуре и придерживающаяся стратегии основателя маргиналистики Р.Э. Парка (утверждавшего, что формирование феномена отчуждённости индивидов от социо-нормативного пространства происходит в силу социальных, культурных и биотических факторов), останавливает своё внимание на интегральном рассмотрении каузальной природы данного вида правового сознания как единичного (по носителю) по отношению к общему (правосознание) и особенному (маргинальное правосознание). Для этого необходимо рассмотрение каждого из названных социально-правовых явлений в отдельности, а также в их взаимодействии, в единстве и противоположности.

Исторические закономерности формирования российского правосознания заключаются в многофакторном комплексе причинного характера, сводимого в отечественных и зарубежных исследованиях к географическим, темпоральным, политическим, социально-экономическим, межнациональным, религиозным, духовно-нравственным и другим особенностям эволюции российской государственности, обусловившим в целом пренебрежительное отношение к праву и законам. Иначе говоря, генезис правового отчуждения в разнообразных его проявлениях (со стороны как российских граждан, так и законодательствующих и применяющих право структур) развивался и консеквентно, и взаимобразно.

«Правовая необеспеченность, искони тяготившая над народом, была своего рода искомой. Вопиющая несправедливость одной половины законов научила его ненавидеть другую, он подчинялся им как силе. Полное неравенство перед судом убило в нём всякое уважение к законности», – писал А.И. Герцен [4, с. 251].

Такая неповторимая ментальность российского народа, а также своеобразие природы власти повлияли на эволюцию правового сознания как одного из видов общественного сознания, становление которого происходило в условиях и под влиянием языческих, христианских, восточных золотоордынских, позднее – западноевропейских традиций и обычаев, детерминировавших формирование *диффузионного* правового сознания. Будучи одной из особенностей становления российского правосознания, диффузионизм представлял собой итог создания особенного генотипа отечественной цивилизации, опосредованного в том числе логикой дисперсионного законодательствующего поведения субъектов политики и права.

Гетерогенные свойства развития российской государственности и правогенеза предреволюционного периода сохраняли слаборазвитыми отечественные юридические традиции и правосознание по сравнению с западноевропейскими. Зарубежные традиции настойчиво имплементировались в российское правотворчество, правоприменение и правосознание, как отмечалось в первой главе нашего монографического исследования [5, с. 12–35]. Однако в России «право никогда не рассматривалось как естественное дополнение морали и как одна из основ общества, в отличие от западноевропейского», – справедливо отмечал Л.С. Явич [6, с. 50].

Не изменило ситуацию и формирование нового исторического типа права – социалистического. Оно происходило в условиях заметного приоритета революционного сознания, но «оставшийся от прошлого правовой нигилизм не поддавался преодолению... советская правовая система не становилась подобной романо-германской группе правовых систем, в том числе и потому, что в ней отсутствовала идея господства права... правосознание оказывалось более связанным с политическим, нежели с нравственным осознанием действительности. Престиж права и правосудия оставался относительно низким не только среди населения, но и среди должностных лиц государственного аппарата» [6, с. 50]. Другими словами, как отмечает Т.А. Баширов, в тот период отечественной истории «в обществе равных все были равны в бесправии» [7, с. 50].

Общеизвестно, что такое соотношение понимания закона и правового сознания в государственных устройствах не оказывает своего положительного влияния на состояние законности и правопорядка. В случае антагонального (и тем

более антагонистического) противостояния закона и правосознания граждан правопорядок становится неустойчивым, нестабильным и перманентно вызывает необходимость оперативного (чаще всего карательного или даже репрессивного) вмешательства со стороны государства. В целях установления сбалансированного состояния требуется принятие дополнительных жёстких координационных законодательных мер.

Содержание такого действующего права, его предполагаемая, но не достигнутая цель быть обусловленным интересами и ожиданиями разнообразных (индивидуальных, социально-групповых, корпоративных) субъектов и их общностей находят своё отражение в формировании и функционировании соответствующих специфически-негативных типов правосознания. На имманентность традиционно выделяемых в теоретико-правовой науке видов правосознания (индивидуальное, коллективное, групповое, массовое) как многоуровневого образования в целом чрезвычайно важное влияние оказывают характер и качество законности и ответственности права, целесообразность, значимость и эффективность принципов судебной, правоприменительной, правоинтерпретационной и правотворческой деятельности.

Исторически сложившееся в российской ментальности чувство безразличного отношения к правовым установлениям, обусловленное значительной непричастностью к правотворчеству, а потому минимальной общепризнанностью постулатов позитивного права, детерминирует соответствующие виды правосознания – отчуждённые и пограничные, то есть маргинализованные. В крайних обстоятельствах, когда закон вступает в антагонистическое противопоставление с пониманием справедливости, равенства, свободы, безопасности (с первым поколением прав), такое состояние продуцирует развитие уже нигилистического правосознания. Неинформированность, невежественность, нежелание знать нормы права или же их полное отрицание впоследствии редуцируются в агрессивно-негативные формы правосознания и поведения, особенно характерные для индивидов, длительно находящихся в маргинальной ситуации.

Кроме того, даже при наличии знания (в том числе рудиментарного, или остаточного) правовых норм разочарование в праве и его эффективности порождает на всех уровнях правосознания маргинальное отношение к его предписаниям. Как вполне резонно отмечает О.Э. Лейст, «распространение подобных настроений и отчуждённое отношение к праву особенно опасны для стран, не имеющих исторических традиций уважения и доверия к праву. К таким странам относится Россия» [8, с. 212], характерной исторической особенностью которой являются процессы перманентного общественно-политического (в том числе правового) реформирования, не предоставляющие субъектам права реальной возможности «освоиться» в темпорально-изменчивом социально-правовом пространстве. Уровень массового правосознания (степень авторитетности права и уважения к нему) резко снижается в периоды кризисов, перехода общества из одного состояния в другое. В такие периоды разрушается устоявшаяся система стереотипов поведения и общественных нравов. Всё это вместе взятое ведёт к росту правонарушений, к безнаказанности, к усилению санкций и т. д., считает О.Э. Лейст [8].

Имманентность «пограничного» состояния правосознания российских граждан характеризует и постсоветский период, изобилующий процессами перестроек, модернизаций, реформирования общественно-политических, социально-экономических и духовно-нравственных институтов. Такое качественное состояние российского общества, по мнению многих ведущих теоретиков права, значительно усугубляет и без того неустойчивый характер диффузионного и дисперсионного российского правосознания. В эти периоды феномен маргинальности наиболее обострённо оказывает своё деструктивное и, как представляется, всеобъемлющее влияние на состояние практически всех видов правосознания (обыденное, профессиональное, доктринальное), деформируя понимание смысла права, правовых установок, ценностных ориентаций, убеждений, целей и мотивов поведения, присутствующих на уровнях индивидуальной, коллективной и массовой правовой психологии и правовой идеологии (как совокупности компонентов правового сознания).

Число общесоциальных (политических, социально-экономических, политико-правовых и других) факторов, влияющих на состояние современного российского права, правового сознания и правовой культуры, как отмечает Н.М. Марченко, пополнилось проводившимися с 90-х годов прошлого столетия «реформами» и «приватизацией», практически разорившими национальную экономику и повергшими в нищету подавляющую часть общества. Они осуществлялись не только на «произвольной» чиновничье-полукриминальной основе, но и на базе созданного «новыми демократиями» указного (указы президентов) и иных форм позитивного права. В качестве реальной воли в тот период выступали преимущественно интересы правящих классов и кругов («групп, наподобие ельцинской “семьи” в пореформенной России, клик, кланов» [2, с. 75]), правящих в их собственном искажённом правосознании и влияющих на деформацию правового сознания всего российского населения.

Псевдодемократические и узкопрагматические цели и задачи, находящие своё выражение в содержании нормативно-правовых актов того времени, дискредитировали и без того в определённой степени декларативный характер конституционных норм, закреплённых в Основном законе Российской Федерации 1993 г. Глубокое разочарование и безысходность российского населения не нашли реального воплощения в действительности и не оправдали социальных ожиданий граждан, так отчётливо проявившись в формализме конституционных прав и свобод, заимствованных из международного права.

Между тем и основными чертами доктринального (научного) правосознания XX столетия, по мнению Ю.И. Гревцова и И.Ю. Козлихина, стали «уродливое следование за господствующей идеологией и политикой, замалчивание универсальных юридических ценностей. Самое печальное состоит в том, что практически всё время, начиная с трети XX столетия, отечественное научное правосознание так и не сумело ни разу оказаться хотя бы на шаг впереди идеологии и политики, послужить делу общественного и правового развития. Оно опустилось до роли регистратора и оформителя идеологических постулатов и политических лозунгов» [9, с. 166].

Коррелирует с такой постановкой проблемы и понимание профессионального правосознания действующих юристов-практиков. Укоренившееся в их сознании

позитивистское понимание права, «лицемерно посмеивающееся» над доверчивостью необразованных в правовом смысле слушателей, по меткому и актуальному сегодня выражению И.А. Ильина, убеждает таких профессионалов в своей безоговорочной правоте и компетентности. Но «право и правосознание начинаются и кончаются там, где начинается и кончается вопрос: “а что на самом деле имеет правовое значение и в чём оно?” Судьи, чиновники, адвокаты и граждане – если они не ставят этого вопроса и не добиваются его предметного разрешения – не живут правом и не творят права, их правосознание стоит на самом низком уровне, они довольствуются суррогатами права и фальсифицируют его» [3, с. 333]. В связи с этим и сегодня, по мнению В.С. Нерсесянца, «доверия и уважения к суду в постсоциалистическом обществе нет» [10, с. 734].

Теоретико-правовая наука, традиционно акцентирующая внимание на значимости проблемы понимания и формирования развитого самостоятельного российского правосознания, неоднократно объясняет и обосновывает возможность интеграции российской системы в международное сообщество посредством универсализации и систематизации *собственных* особенных национальных эйдосов права, не противоречащих общим межнациональным принципам, идеям и задачам права. Для этого современные научные исследования предлагают подразделение, в частности, видов правосознания на: 1) межгосударственное; 2) государственное. Во втором случае речь идёт непосредственно о конкретно-государственном правовом сознании, имеющем отличие от мегагруппового в силу политических, экономических, духовно-идеологических, национальных и других особенностей [11, с. 15–16].

Однако наука остаётся не услышанной как законодательствующими, так и правоприменяющими субъектами: «В результате падения коммунистического режима в России мы получили прозападное право, правовые идеи, взгляды, теоретические конструкции западноевропейской цивилизации, оставаясь при этом с собственным слабым, нигилистически настроенным правосознанием, в имманентных структурах которого праволиберальные начала не только не развиты, но и всячески попираются, игнорируются, “зажимаются”. И это при том, что индивидуальное начало в российском сознании осталось прежним – некрепким, неустойчивым, не имеющим мощных этногенетических корней» [12, с. 79].

В рамках гипотезы, выдвигаемой общеправовой теорией маргинальности, отечественное правовое сознание представляется возможным охарактеризовать как *маргинализированное (маргинальное)*, то есть правосознание, отчуждённое от ценностей и идеалов права, балансирующее «на грани» соблюдения или несоблюдения закона. Впрочем, российское маргинализированное правовое сознание в целом значительно отличается от правосознания конкретной маргинальной личности (носителя негативных свойств и признаков феномена отчуждённости, пограничности и дезадаптированности к соционормативному пространству) как по объёму, так и по содержанию.

Справедливости ради следует отметить отдельные наметившиеся позитивные преобразования в сфере повышения уровня и качества разнообразных видов российского правосознания, получивших своё развитие в связи с такими процессами становления демократических институтов, как деятельность правозащитников и правозащитных организаций, омбудсменов, медиаторов, уполномоченных

по правам человека, по защите прав несовершеннолетних, активизация (порой даже излишняя) интереса средств массовой информации к правовой проблематике и т. д. Однако и эти процессы проистекают либо в недостаточно конструктивных, либо в пока ещё малоэффективных формах, что в целом позволяет констатировать возможность дальнейшей маргинализации правосознания у большинства населения Российской Федерации, генетически так и не объединённого гегелевской идеей права.

В этой связи необходимо обозначить наличие еще одной важной проблемы, объясняющей низкий уровень отечественного (маргинального) правосознания: имеется в виду несформированность гражданского общества. Как отмечает О.Э. Лейст, «попытка выстраивания правового государства в условиях отсутствия гражданского общества, правовых традиций, потребностей в юридическом мышлении и выстроенной концепции по претворению в практику задач правотворчества не возымеет должного результата. Его можно достичь только при условии развития институтов гражданского общества, способного воплотить идею построения правового государства. У нас нет ни того, ни другого. <...> В масштабе общества юридическое мышление не может сложиться по приказу свыше: оно возникает вместе с массовым повседневным интересом к осмыслению общественных отношений через конкретные права и обязанности их участников» [8, с. 279].

Действительно, учитывая исторически сложившиеся разнообразные (в том числе психоментальные) особенности современного отечественного правосознания граждан, вряд ли его можно характеризовать как полностью способное к пониманию объективной необходимости и целесообразности соблюдения правовых предписаний, как достаточно уверенное в возможностях и способностях права разрешать возникающие конфликты (в особенности между индивидом и государством), как уважающее закон и признающее авторитет публичной власти, как осознающее значимость ответственности за несоблюдение законов, а также воспринимающее должным образом механизмы наказания за правонарушающие виды поведения и т. д.

С другой стороны, отсутствие правовой политики и неясность правовой идеологии, которые могли бы внести более или менее понятные коррективы в процессы формирования «должного», «здорового» и «нормального» (по И.А. Ильину) правосознания (в особенности у молодого поколения), а также постоянное указание представителями властных структур на переизбыток дипломированных юристов в стране вряд ли способствуют образованию и эволюции в обществе как индивидуальных, так и массовых социодуховных правовых качеств, предполагающих общеобязательную или хотя бы законоприемлемую ориентацию граждан, направленную на адаптацию к соционормативному пространству и ценностям права.

Демаргинализации правосознания порой препятствует и само действующее право, которое, как отмечает А.В. Погодин, «имеет дефекты (деструктивные элементы) не только на уровне формы, но и содержания. Они провоцируют социально-правовые конфликты, создают помехи для правореализации, в конечном итоге понижают регулятивный потенциал права, делают его не всегда эффективным, а порой и ситуационно социально вредным. Наличие дефектов (плохое

воспринимается обострённо) в сочетании с низким уровнем правового сознания и правовой культуры отдельных юристов и чиновников – одна из причин негативной оценки права, деятельности правоохранительных органов и суда у людей с неразвитым [а в особенности, мы бы заметили, с развитым. – Р.С.] правосознанием» [13, с. 33–34].

Именно поэтому в российском правосознании (массовом, групповом и индивидуальном) сохраняются исторические традиции этатизма, культы силы, должности, «мистического» и «иллюзорного» содержания высшей власти, которые вряд ли представится возможным изменить за столь короткие исторические сроки даже в эпоху грандиозных социальных трансформаций. «Ибо глубинные архетипы сознания не могут быть искоренены полностью новообразованиями», – справедливо замечает О.С. Осипова [14, с. 52].

Данную проблему необходимо учитывать при обосновании стратегии правовой политики, в которой совокупность ориентиров, установок, ценностей правового бытия личности должна обеспечиваться прежде всего государством. При этом сама правовая политика должна позитивно влиять на становление и развитие правовой и общей культуры граждан, социальных групп (см. [15, с. 11]), в том числе социально неблагополучных, то есть маргинальных.

Summary

R.F. Stepanenko. The Issues of the Russian Legal Consciousness in the Context of the General Legal Theory of Marginality.

The article deals with certain aspects of the Russian legal consciousness and specifies historical background of its diffusion and dispersion content. The work analyzes the law genesis processes in the evolution of Russian statehood, which influence the formation of national marginalized legal consciousness. The study of this problem area should be taken into account when making legal policy.

Keywords: legal consciousness, diffusionism, dispersiveness, marginalized (marginal) legal consciousness, alienation, marginality.

Литература

1. *Байтин М.И.* Сущность права (современное нормативное правопонимание на грани двух веков). – Саратов: Изд-во СГАП, 2001. – 413 с.
2. *Марченко М.Н.* Источники права. – М.: Проспект, 2011. – 759 с.
3. *Ильин И.А.* Теория права и государства. – М.: Зерцало; Гарант, 2008. – 550 с.
4. *Герцен А.И.* Собрание сочинений: в 30 т. – М.: Изд-во АН СССР, 1956. – Т. 7. – 466 с.
5. *Степаненко Р.Ф.* Генезис общеправовой теории маргинальности. – Казань: Ун-т управления «ТИСБИ», 2012. – 243 с.
6. *Явич Л.С.* Сущность права: социально-философское понимание генезиса, развития и функционирования юридической формы общественных отношений. – Л.: ЛГУ, 1985. – 207 с.
7. *Баширов Т.А.* Социально-философские аспекты становления и развития российского правосознания: Дис. ... канд. филос. наук. – Уфа, 2005. – 169 с.
8. *Лейст О.Э.* Сущность права: проблемы теории и философии права. – М.: Зерцало-М, 2002. – VIII, 279 с.

9. *Грецов Ю.И., Козлихин И.Ю.* Энциклопедия права. – СПб.: ИД СПбГУ, 2008. – 771 с.
10. Проблемы общей теории права и государства / Под общ. ред. В.С. Нерсесянца. – М.: Норма, 2008. – 832 с.
11. *Щедрин О.Г.* Этнические особенности русского правосознания: Автореф. ... канд. юрид. наук. – Ростов-н/Д, 2004. – 33 с.
12. *Байниязов Р.С.* Правосознание и правовой менталитет в России: Дис. ... д-ра юрид. наук. – Саратов, 2006. – 349 с.
13. *Погодин А.В.* Содержательная характеристика российского права // Основные характеристики российской правовой действительности / Под ред. Ю.С. Решетова. – Казань: Казан. ун-т, 2010. – С. 23–50.
14. *Осипова О.С.* Двоеверная традиция как проявление архетипа (на материалах церковных обличий) // Философские и богословские идеи в памятниках древнерусской мысли. – М.: Наука, 2000. – С. 49–70.
15. *Рыбаков О.Ю.* Российская правовая политика в сфере защиты прав и свобод личности. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. – 352 с.

Поступила в редакцию
14.05.13

Степаненко Равия Фаритовна – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, НОУ ВПО «Университет управления ТИСБИ», г. Казань, Россия.

E-mail: StepanenkoRF@yandex.ru